

Цзячу устроил их в ближайшей уездной управе.

Пока лекарь накладывал повязки, Хань Хэн уже не мог усидеть на месте. Туман, окутавший его разум, постепенно рассеивался. Никто из собравшихся здесь не собирался бросать Чжуан Лина на произвол судьбы; они приложат все силы, чтобы вырвать его из лап смерти.

Во время этого мучительного ожидания в мыслях Хань Хэна то и дело всплывали воспоминания о часах, проведённых в подземном плену. Но в этих воспоминаниях не было зримых образов — лишь звуки.

Возможно, из-за крайнего нервного напряжения каждая, даже самая ничтожная деталь намертво врезалась в память, отчётливая и пугающе ясная.

Лишь теперь Хань Хэн осознал: под землёй Чжуан Лин искал близости и вкрадчиво заигрывал с ним вовсе не от праздного легкомыслия или уверенности в скором спасении. Он просто пытался отвлечься от невыносимой боли.

Он ведь терпел из последних сил, на самом пределе возможностей.

— Готово, — произнёс лекарь, поднимаясь.

Хань Хэн тут же вскочил, но ноги едва держали его — они онемели и отозвались ноющей, тупой болью.

— Ноги слишком долго находились под давлением, кровь застоялась, — наставительно проговорил лекарь. — Вам необходим покой и хороший массаж, чтобы вернуть былую подвижность.

Хань Хэн нетерпеливо махнул рукой, прерывая его:

— Не надо. Где Чжуан Лин? В какой он комнате?

Лекарь в замешательстве замялся.

— Где Цзячу? — раздражённо бросил Хань Хэн.

Хватаясь за шкафы и дверные косяки, он упрямо, шатаясь из стороны в сторону, двинулся к выходу.

Просторный двор был полон суеты: слуги с подносами в руках вереницей тянулись к одной из комнат, двери которой почти не закрывались.

Хань Хэн встрепенулся.

Но не успел он сделать и пары шагов, как силы покинули его. Он согнулся пополам, уперевшись руками в колени, и тяжело задышал. Лоб его покрылся крупными каплями пота, намочившими пряди волос.

— Молодой господин.

С трудом подняв голову, Хань Хэн увидел приближающегося Цзячу. Внезапный прилив адреналина заставил его рвануться вперёд. Схватив Цзячу за воротник, он с глухим стуком прижал его к двери.

— Где Чжуан Лин?! Что с ним?! Я должен видеть его сейчас же!

Покрытый испариной Цзячу болезненно поморщился и, глухо прокашлявшись, ответил:

— К нему пригласили троих лучших лекарей, они сейчас осматривают раны. Вам лучше подождать. В комнате яблоку негде упасть, там полно людей.

Хань Хэн выпустил его ворот и, пошатываясь, сделал ещё два шага, но Цзячу крепко перехватил его за плечо сзади.

— Пусти!

С той самой минуты, как их откопали, у него не прекращался звон в ушах, кружилась голова, а перед глазами всё плыло.

Это было дремучее, мать его, прошлое с допотопной медициной. Как он мог поверить, что здешние коновалы за закрытой дверью способны сотворить чудо? Впервые Хань Хэн почувствовал, как к горлу подступает ледяная беспомощность. Он взглянул на блёклое небо, прижал ладонь ко лбу — перед глазами то и дело плыли тёмные круги.

Чжуан Лин.

Столь властный, непоколебимый, привыкший единолично вершить чужие судьбы... Его закалённое в бесконечных сражениях тело, всегда казавшееся таким сильным и могучим, сейчас, когда его уносили на носилках, выглядело безжизненным, точно поломанная тряпичная кукла.

Судя по всему, как только Старина Чжу увёз его из столицы, Чжуан Лин сразу же бросился в погоню. Причём в одиночку — из города он не мог взять с собой ни единого человека. Чжуан Лин как-то упоминал, что любое его лишнее движение тут же станет известно императору. Жизнь подле владыки — всё равно что прогулка рядом с тигром. Правитель Бэйшо, очевидно, никогда не слышал о том, что преданным людям нужно доверять без оглядки.

«Что, если Чжуан Лин умрёт?»

Хань Хэн до крови закусил губу и сбросил с плеча чужую руку. Но едва он сделал шаг, как сзади снова раздался голос Цзячу:

— Молодой господин, даже если вы пойдёте туда, то ничем не поможете. Давайте лучше подождём вместе. Молодой господин выкарабкается, вот увидите! Его однажды мечом насквозь проткнули, прямо в левый бок, а в правое плечо прилетела стрела. А во время ускоренного марша он трое суток горел в лихорадке, но выжил. У него невероятная жажда жизни. Те, кто уцелел в стольких битвах, отмечены самими небесами. Он не умрёт так просто.

Под конец фразы голос Цзячу, так отчаянно пытавшегося звучать уверенно, всё же предательски дрогнул.

Между ними повисла тяжёлая, гнетущая тишина.

— Хорошо... — выдавил Хань Хэн. Голос его дрожал, а с искусанных, испачканных кровью губ сорвался тяжёлый вздох. Лишившись своей маски, бледный и осунувшийся, он сейчас действительно походил на призрака. — Я буду ждать здесь. Где нам сесть? Ты... посидишь со мной?

Он заглянул Цзячу прямо в глаза. Тот не отвёл взгляда.

— Мы подождём в соседней комнате, — ответил Цзячу. Его глаза покраснели от полопавшихся сосудов — было очевидно, что он не сомкнул глаз всю ночь.

— Пошли.

Хань Хэн заставил себя сделать шаг. Ноги его подкашивались и заплетались. Цзячу потянулся было, чтобы поддержать его, но вовремя отдернул руку и молча последовал за ним.

Устроившись в кресле, Хань Хэн шмыгнул носом и уставился невидящим взглядом на дверной проём.

Мимо то и дело бесшумно проскальзывали слуги и служанки с подносами в руках. Они передвигались на цыпочках, боясь издать хоть единый звук.

Хань Хэн спрятал ладони в широкие рукава. Ему дали чистую одежду, но он так и не искупался — смывать с себя грязь и пот сейчас казалось кошунственной тратой времени.

— Принеси вина. Самого крепкого, какое найдёшь, — тихо попросил Хань Хэн, не поворачивая головы.

Цзячу встревоженно посмотрел на него и не двинулся с места.

Хань Хэн перевёл на него взгляд:

— Я не пойду туда. Ты прав, от меня там никакого толку. Буду сидеть здесь.

— Скоро буду, — сдался Цзячу и поспешил вон из комнаты.

Ему нужно было торопиться. Хань Хэн выглядел так, словно находился на грани помешательства, и Цзячу всерьёз опасался, как бы тот не натворил глупостей. Если молодой господин очнётся и узнает, что Хань Хэн пострадал, то спустит с него три шкуры.

«Если вообще очнётся...» — уныло подумал Цзячу.

Когда Цзячу вернулся с кувшинами, Хань Хэн сидел всё в той же позе, не шелохнувшись ни на дюйм.

— Вам налить в чашу или... — нерешительно начал Цзячу.

— Не нужно. Просто откупорь, у меня руки не держат, — перебил его Хань Хэн. Голос его звучал пугающе ровно, словно застывшая гладь глубокого озера.

Сорвав глиняную печать, Хань Хэн перехватил кувшин обеими руками и, запрокинув голову, принялся жадно пить. Крепкое вино полилось через край, пачкая подбородок и шею, затекая под воротник чистой одежды.

Обжигающая жидкость огненной волной прокатилась по горлу, забивая дыхание.

Осушив кувшин, он зашёлся в судорожном спазме. Зажав рот ладонью, Хань Хэн с трудом подавил рвотный позыв.

— Открывай следующий, — приказал он, уставившись на второй кувшин в руках Цзячу.

От этого отрешённого взгляда у Цзячу побежали мурашки по спине. Он всегда считал Хань Хэна изнеженным и слабым юношей, но сейчас в его движениях и глазах сквозило такое

пугающее, безумное упрямство, что становилось не по себе.

— Открывай, кому говорю! — рявкнул Хань Хэн.

Цзячу, поколебавшись, покорно сорвал печать со второго кувшина.

На этот раз Хань Хэн не стал пить залпом — он просто не смог бы. Желудок бунтовал. Пальцы судорожно сжимали глиняные края, кончики их онемели от холодной влаги.

Внезапно он тихо рассмеялся. Из глаз брызнули слёзы. Шумно вздохнув, он резко утёр лицо широким рукавом.

— Пей, — Хань Хэн толкнул кувшин к Цзячу.

Тот послушно принял посуду и сделал робкий глоток. Сейчас он действительно побаивался перечить Хань Хэну.

— Сколько ещё ждать?.. Сходи узнай, — пробормотал Хань Хэн.

Дешёвое пойло оказалось невероятно крепким — оно обжигало горло и мгновенно ударило в голову. Пальцы Хань Хэна, лежащие на столе, мелко подрагивали.

Когда Цзячу вернулся и лишь безмолвно покачал головой, огонёк надежды в глазах Хань Хэна окончательно угас.

— Да сколько можно?! — с тоской прошептал он.

— Лекари сами не знают, остаётся только ждать, — вздохнул Цзячу. — Нужно вправить кости и очистить раны от набившейся грязи и обрывков одежды.

«Это же невыносимо больно», — подумал Хань Хэн. При воспоминании о развороченной, окровавленной спине Чжуан Лина его передёрнуло. От одной только мысли об этой боли перехватывало дыхание.

— Молодой господин был истощён ещё до этого, а сейчас спит без чувств. К тому же ему дали снадобье против боли, так что он почти ничего не чувствует, — попытался успокоить его Цзячу.

— Вот как?.. — бесцветно отозвался Хань Хэн.

Он даже не слушал оправдания Цзячу. Да и зачем? Всё это ложь. Как может быть не больно,

когда с твоей спины буквально содрали кожу вместе с мясом? Кого этот парень пытается обмануть?

Лишь к вечеру трое лекарей наконец покинули комнату раненого. Хань Хэн дотошно расспросил их обо всех предписаниях и только после этого решился переступить порог.

В помещении стоял удушливый запах крови, смешанный с едким ароматом притёртостей и отваров. Окна были плотно прикрыты, чтобы уберечь больного от сквозняков.

На кровати ничком лежал человек.

Опустившись на край постели, Хань Хэн почувствовал, как остатки сил покидают его. Наконец-то он мог присесть.

Глаза Чжуан Лина были плотно закрыты, лицо оставалось мертвенно-бледным. Из-под одеяла виднелось плечо, туго обмотанное чистыми бинтами. Хань Хэн осторожно приподнял край покрывала — нога Чжуан Лина была зажата в деревянные лубки.

Хань Хэн протянул здоровую руку и коснулся щеки Чжуан Лина, мягко проведя кончиками пальцев по его лицу, заросшему колючей щетиной.

Кожа Чжуан Лина больше не обжигала жаром. Там, под завалами, этот мерзавец без умолку болтал, лишь бы обмануть его. Тогда он горел в сильнейшей лихорадке, но упрямо твердил, что всё в порядке.

И Хань Хэн, как последний дурак, верил каждому слову этого ублюдка.

Хань Хэн прикусил губу, перед глазами всё поплыло. Вскоре он почувствовал, как подбородку скатилась влажная, холодная капля. Он недоумённо посмотрел на свои пальцы, испачканные прозрачной влагой.

«Неужели я плачу?»

Хань Хэн поспешно уткнулся лицом в одеяло, стирая слёзы, а затем осторожно прижался лбом к виску Чжуан Лина. Прикоснувшись сухими губами к его щеке, он медленно выпрямился.

Цзячу дважды пытался уговорить его уйти в свои покои и отдохнуть, но Хань Хэн наотрез отказался. Сдавшись, слуга принёс тёплое одеяло и накрыл его прямо здесь, у постели больного.

Не спавший несколько суток Хань Хэн заснул мгновенно, едва коснувшись постели. Сон его был глубоким и тяжёлым. Когда он открыл глаза, комнату уже заливал мягкий утренний свет.

Солнечные лучи золотили длинные ресницы Чжуан Лина, отчего его лицо казалось безмятежным и почти святым.

Хань Хэн облизнул пересохшие губы, поднялся, чтобы выпить воды, и послал за лекарем.

— Всё в порядке, — заверил его лекарь после осмотра. — Его тело истощено, но пульс ровный. Как только он наберётся сил, сразу придёт в себя.

Хань Хэн лишь безучастно кивнул, не почувствовав особого облегчения.

Он ненадолго вышел, чтобы велеть слугам сварить лёгкую рисовую кашу и оставить её томиться на углях, чтобы еда оставалась тёплой к моменту, когда Чжуан Лин проснётся.

Хань Хэн продолжал нести свою вахту у постели. Время для него словно остановилось, а мысли замерли. Изредка он поднимался, чтобы смочить Чжуан Лину губы водой, а затем снова опускался на стул, превращаясь в безмолвную тень.

Цзячу заходил проводить их несколько раз, и каждый раз заставлял Хань Хэна в одной и той же позе. Тот сидел неподвижно, напоминая каменное изваяние.

Ночью Хань Хэн держался из последних сил. Когда веки начали смыкаться, он плотнее укутался в одеяло, продолжая вглядываться в красивые, чётко очерченные черты лица Чжуан Лина. Он и сам не заметил, как провалился в сон.

Он проснулся глубокой ночью, сразу после третьей стражи, от естественной нужды. Сходив по нужде и вернувшись с фонарём, Хань Хэн повесил плащ на вешалку и снова сел у кровати. Случайно бросив взгляд на постель, он замер. Его сердце бешено заколотилось. Он зажмурился, не веря своим глазам, а затем снова резко распахнул их.

Но Чжуан Лин по-прежнему лежал с закрытыми глазами.

«Неужели показалось?»

Хань Хэн с силой потёр уставшие глаза, а затем привычным жестом коснулся щеки раненого и слегка прижался губами к уголку его рта. В то же мгновение Чжуан Лин приоткрыл рот и дразнящим, быстрым движением коснулся кончиком языка его губ.

Хань Хэн отшатнулся, вытаращив глаза так, словно увидел выходца с того света.

— Пользуешься моей слабостью? — хриплым, едва слышным шёпотом упрекнул его Чжуан Лин.

Хань Хэн лишь беззвучно хватал ртом воздух, не в силах вымолвить ни слова.

— У меня совсем нет сил, — Чжуан Лин слабо взглянул воспалёнными глазами. — Мог бы проявить хоть немного заботы и взять инициативу в свои руки.

Хань Хэн замахнулся, намереваясь отвесить ему подзатыльник, но вовремя вспомнил, что тот живого места на себе не имеет. Он бессильно опустил руку и, сердито отвернувшись, направился к выходу.

— Хань Хэн, — позвал его негромкий хриплый голос.

Хань Хэн глубоко вздохнул, развернулся и в два шага преодолел расстояние до кровати. Наклонившись и уперевшись руками в матрас, он процедил сквозь зубы:

— Сам напросился.

Он подался вперёд и жадно, до беспамятства впился в его губы. Прежде Хань Хэн никогда не проявлял инициативы, но сейчас его поцелуй был уверенным и требовательным. Тот самый мужчина, который прежде вечно доминировал над ним, бесстыдно распускал руки и нёс всякую чушь, сейчас лежал перед ним совершенно беспомощный, не способный даже пошевелить пальцем.

Взгляд Хань Хэна смягчился. Его язык мягко скользнул за зубы Чжуан Лина, увлекая его в неспешную, дразнящую игру. Лишь когда сердце готово было выпрыгнуть из груди, Хань Хэн наконец отстранился.

— Я позову лекаря, — сиплым от волнения голосом проговорил он. — Лежи смирно и не смей шевелиться.

— Хорошо. Возвращайся скорее, — выдохнул Чжуан Лин.

Его взгляд, полный немого обожания, провожал Хань Хэна до самой двери. Лишь когда шаги затихли, теплота в глазах Чжуан Лина медленно уступила место привычной, холодной сосредоточенности.

Он опустил длинные ресницы, размышляя о том, удалось ли поймать Старину Чжу. После возвращения, в первую очередь нужно будет заставить замолчать Сюэ Юнь и всех слуг в Саду Сюэ. Хань Хэна пора перевезти в более безопасное место — тётушке Юнь больше нельзя доверять.

Главное теперь — чтобы Хань Хэн благополучно выносил и родил дитя. А уж как распорядиться его дальнейшей судьбой, Чжуан Лин решит без труда.

Он прекрасно видел, что Хань Хэн отдал ему своё сердце. Юноша действительно полюбил его. И эта привязанность была Чжуан Лину только на руку — она идеально вписывалась в его планы.

Всё складывалось как нельзя лучше. Почувствовав, как напряжение последних дней окончательно спадает, Чжуан Лин снова прикрыл глаза и задремал под тихий стук приближающихся шагов за дверью.

<http://bllate.org/book/20487/2274315>